

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г94

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Кирилл Прокофьев*

Гумерова А.

Г94 Дамдых. Сборник. — М.: ИД «Городец», 2019. — 392 с.
(Серия «Ковчег».)

«Женщина чувствует, мужчина думает. Шея управляет головой. У женщины прекрасное, но не ведущее место в мире, потому что мир мужской. Так было, есть и, надеюсь, будет. В мире, где правят женщины, я жить не хотела бы», — говорит Альбина Гумерова.

«Дамдых» — книга о женщинах, о том, как они любят, ненавидят, радуются, страдают, ошибаются, не знают, что делать дальше.

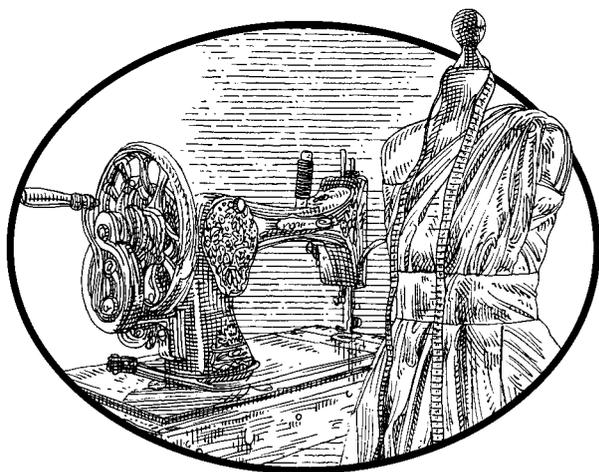
Кто является лирической героиней Альбины Гумеровой? Скромная, нежная, покорная, сильная духом, такая, до которой нам далеко. Героини ее рассказов и повестей не идеальные, но в них есть какая-то чистота и искренность. У них можно многому научиться. Возможно, и вы захотите, чтобы рядом с вами была такая подруга или сестра.

ISBN 978-5-907085-26-8

© А. Гумерова, 2019
© ИД «Городец», 2019

КРОЙКА И ЖИТЬЁ

ПОВЕСТЬ

В шестнадцать лет Резеда попросила у родителей лошаадь. Отец купил для нее жеребца. Резеда назвала его Сухарь и никогда с ним не расставалась. Всю молодость свою и даже беременность провела она на коне. И детей своих: дочь Амину, а потом и сына Мунира — каждого в возрасте шести месяцев усадила верхом. Мать Резеды, Суфия, ругалась, грозилась продать коня, во что бы то ни стало хотела посадить дочь за швейную машинку:

— Если не нужно на жизнь зарабатывать — это такое удовольствие! Для детей своих шить будешь, для себя, для мужа. И носить приятней — своими руками сделано! А экономии сколько — ты посмотри, какие цены!

— Мама, я этого не люблю, но научусь ради тебя.

Девушка мгновенно освоила шитье, и выходило у нее аккуратно. Но стоило машинке забарахлить, ниткам спутаться, Резеда бросала шитье и седлала коня.

Однажды Сухарь легкой трусцой шел вдоль трассы, а у обочины стояла «газель» Ирека — будущего мужа Резеды. Ирек копался в открытом капоте. Резеда захотела помочь, тихо подвела коня, а он почему-то ткнулся мордой в зеленые шорты. Ирек резко выпрямился, ударился макушкой о крышку капота, быстро обернулся, громко выматерился в конскую морду, и только когда Резеда засмеялась, Ирек поднял голову и увидел ее. Девушка спешила:

«Ах, простите!» Изю всех сил стараясь не смеяться, она отвела коня чуть в сторону.

— Ходят тут лошади... — пробубнил Ирек, потирая одновременно и зад, и затылок.

И Резеда, не в силах больше сдерживаться, повалилась на траву, и хохотала в небо, и колотила ногами землю. А Ирек отошел от своей «газели», встал у Резеды над головой и смотрел на девушку до тех пор, пока она не успокоилась.

— Отсмеяла весь живот, — выдохнула она.

— А у меня шишка, — сказал Ирек, щупая голову. — И сердце чуть не выскочило. — Ирек подал Резеде руку и помог встать.

Они оказались одного роста, а позже выяснилось, что и родились в один день и в один год. Когда обоим исполнилось по двадцать лет, они поженились.

Резеда переехала к мужу в соседний поселок, поближе к городу. Коня оставила сначала у родителей, но долго без него не выдержала и забрала к себе. Суфия переживала, что дочь не сможет быть женой — слишком она своенравна. Когда Резеда с Иреком приезжали в гости, теща любила посеCRETничать с зятем, заранее занимая виноватую позицию: «Ну да, такая уж она, как ее отец. Но ты с ней построже, ладно?» А потом просила дочь помочь ей справиться с шитьем, и пока они, разложив на полу материал, ползали по нему с большими ножницами и мелом, Суфия ворчала:

— Продам я твою лошадь, посажу тебя за швейную машинку и запрю!

— Почему надо делать то, что не нравится?

— Потому что это жизнь! Не все тебе на коне скакать! Шитье помогает воспитать характер. Терпеливей станешь.

— Между прочим, Ирек меня за это и полюбил. За мою несдержанность.

— Сама расшибешься, детей угробишь!

— Амина с Муниром уже без седла скачут! А девочкам особенно полезно — внутренние органы правильно формируются.

В комнату вошел отец, но Суфия громко отослала его:

— Шамиль! Выйди-ка отсюда! Мы разговариваем.

...Мать Суфии давным-давно разделила дом на две половины — мужскую и женскую. Так и повелось: сын Марат чаще был с отцом, дочь со своим конем, Суфия за швейной машинкой. Мужики проводили время вместе, а женщины сами по себе. Каждая женщина этого дома по какой-то непонятной традиции была глубоко одиноким человеком, и почему-то это считалось нормальным. И только швейная машинка, которой Суфия могла «защитить» грусть, машинка, с которой швея могла успокоиться, не спеша подумать или забыться, чисто механически выполняя свою работу, всегда была при ней.

Однажды Суфия закалывала английскими булавками костюм на манекене. И вдруг увидела свои руки. Сухие, старые, с маленькими коричневыми островками.

«Бог мой, сколько всего я нашла! — подумала Суфия. — Кто только не носил мою одежду! Я сто лет отсюда носа не высывала!»

В комнату вошел ее муж. Суфия растерянно оглянулась, уставилась на его штаны и продолжила уже вслух:

— Три года назад я тебе их сшила, — она вдруг метнулась к мужу, упала на колени, схватила его за штаны. — А потом они вытянулись, или это ты от старости уменьшился, и мне укорачивать пришлось.

Суфия затихла на мгновение и бросилась к окошку:

— Гляди! Занавески наши! Столько лет висят! Еще мать мою помнят! И тоже — я! — Она задернула шторы и снова открыла. Задернула и снова открыла.

— И скатерть — я!

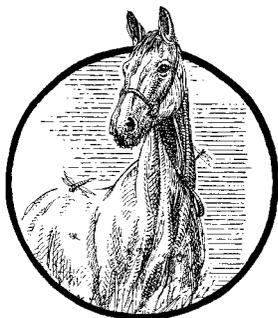
— И покрывало — я! — рванула его. — И постельное белье — я!

Схватила себя за грудь:

— И халат тоже я...

Суфия отчаянно озиралась в комнате, будто впервые здесь была.

— Здесь все — я! — с ужасом прошептала она. — А ты? — снова бросилась к мужу и впервые за много лет жадно поглядела в его серые глаза.

Старики доживали в большом деревянном доме, и было в нем слишком просторно для двоих. В некоторые комнаты давно не входили. В них было прибрано, кровати с пышными перинами заправлены так тщательно, что о край можно порезаться, подушки друг на дружке, празднично покрытые накидушкой, похожей на невестину фату. Очень редко Суфия заходила в эти комнаты стереть пыль. Им с мужем хватало двух кроватей, которые раньше были одной большой, где супруги бесшумно любили друг друга и спали до очень раннего утра. Уже никто и не вспомнит, когда между кроватями встала тумбочка с круглой вязаной салфеткой и вазой с пластмассовыми цветами.

Скотины давно не держали, но Суфия вставала по привычке рано. Заняться было нечем — ведь даже на завтрак они ели то, что осталось от вчерашнего ужина. Рано утром Суфия садилась за швейную машинку. Тишину дома нарушала скачущая игла. «Тых-тых-тых-тых...» Суфия шила в воздух, в никуда, чтоб хоть чем-то себя занять, потому что никто ничего не заказывал. Не так давно их сын Марат глупо угорел в бане. После смерти сына Суфия целыми днями глядела в окно. А клиентки одна за другой разбрелись от нее. Резеда временно поселилась в родительском доме и «вытащила» свою мать.

Но как только Суфия заставила себя жить, «умер» ее муж. Он будто только теперь осознал, что нет у него больше сына. И никогда уж не будет. Старик не сидел у окна, как его жена. Он ел, спал и бродил по поселку. Внешне Шамиль не изменился, даже не исхудал с горя и не спился. Ему полюбился запах краски, и он часто красил ворота, забор, оконные наличники в разные цвета. У Суфии голова болела от этого запаха, но она не запрещала Шамилю снова и снова покрывать их дом новым слоем краски. Жена хотела добиться от мужа хоть слова. Пыталась даже вывести его из себя. Раньше за такое получила бы оплеуху, но теперь муж будто и не слышал ее. Они ложились каждый на свою кровать. Долго лежали в темноте, ни тот, ни другой уснуть не мог. И так тихо было у них, так тихо и темно, как никогда в жизни. Среди этого жуткого ложного покоя раздавался отчаянный мужской выдох: «Эх, улым, улым!» Суфия сжималась вся, одеялом рот себе затыкала, чтобы не завывать в голос.

От сына остался очень похожий на него внук, теперь уже студент, и бывал он у бабушки с дедушкой на каникулах. Суфия радовалась его приезду, суетилась, затевала пироги и в день отъезда одаривала внука подарками: с пенсии она ежемесячно откладывала денег, осторожно выясняла у снохи, о чем внук мечтает, и шустренько приобретала. Внук возвращался от бабушки с дедушкой то с хоккейной клюшкой, то с часами... Суфия больше любила в нем сына, но не решалась подойти ко взрослому парню со своими старческими ласками. Она лишь украдкой смотрела на него из кухни, когда он ел в большой комнате за столом. А когда спал, звездой раскинувшись на постели, бабушка укрывала его, но ноги все равно торчали. Суфия думала: «Это же единственный, кто от сына остался.

И голос у него такой же, и походка. И ест так же. И пьет большими глотками холодное молоко. А чай любит горячий-горячий, чтоб кипятком. Долго размешивает в нем сахар, вынимает ложку и смотрит, как успокаивается водная воронка...»

Вместе ходили они на кладбище, к его отцу и ее сыну. Шли, весело разговаривая, и на кладбище не плакали. Дед плелся за ними молча.

— Ах, и он помрет, — шептала Суфия внуку. — А может, я сначала. А он тогда на кого останется? Кто с ним жить будет? Он сам себе даже обед не сварит.

— Не помрешь! — весело говорил внук. — Ты еще дольше всех жить будешь!

Резеда забрала потрепанный блокнот матери и обзвонила ее старых клиенток: «Выручайте, пропадет мама». Мир не без добрых людей, и многие откликнулись. Суфия снова почувствовала, что нужна людям. Так уж случилось, что прожила она, маленькая татарочка, свою большую жизнь в одном и том же доме, за пошивочным столом. С единственным своим мужем. «Уж лучше бы запил — как любой нормальный мужик, я бы тогда знала, что с ним делать», — думала Суфия.

— Здра-а-асьте! — слышалось с веранды. — Есть кто дома?

В комнату вошла Венера. Она работала медсестрой в районной больнице. С утра до утра ставила клизмы. Из самых дальних деревень приезжали люди на операцию, и накануне Венера «чистила» их. Входила в клизменную, вешала кружки Эсмарха на металлические стойки. «Двое мужчин или две женщины, заходите! — командовала она, пациенты переглядывались, не решаясь войти. — Не робейте! Я избавляю вас от всего плохого!»

Так она работала несколько лет. После медицинского училища вернулась в поселок и устроилась на практику. Принимала кровь на анализы, определяла группу, потом работала в процедурном кабинете. С годами зрение ухудшилось, деления на ампулах не различались, лекарственный состав не читался, в вену могла попасть только на ощупь. И, чтобы не терять медицинский стаж, Венере пришлось ставить клизмы. После лаборатории, после почти ювелирной работы ее нынешние обязанности казались ей поначалу грубыми. А потом она привыкла.

Резеда и Венера учились в одном классе и дружили. Когда им было лет по тринадцать, Резеда резко превратилась в длинноногую, длинноволосую девушку. Но лицо ее напоминало лунный ландшафт — ни единого живого места на нем не было. А круглолицая и всегда немного пышная Венера была, напротив, прозрачно-белокожей, без единого угря. Но к тринадцати годам, когда начались у девочки женские дела, она сделалась еще пухлее, и за это ее прозвали Ватрушкой. Прошло еще несколько лет — девочки дружили. Когда и вторая подруга стала девушкой, с лица ее исчезли бордовые бугры. Если на Резеду приятно было смотреть, то Венеру хотелось потрогать — такая ли она мягкая, как кажется? И прозвище Ватрушка закрепилось за ней на всю жизнь.

Теперь Ватрушке было далеко за тридцать. Она оставила пышную косую челку, закрывающую половину лба, как было модно в девяностые.

Венера достала из пакета ткань и приложила к себе:

— Айгуль замуж выходит. Третий раз уже. Три года назад, помните, платье шили? Она же с тем мужем развелась, сейчас вот еще одного дурачка нашла. — Венера звонко рассмеялась. — А мне что? Я — близкая подруга.

Я и на четвертую свадьбу к ней пойду, и на пятую, Алла бирса!»

— Дай-то бог.

— Только вот незадача — каждый раз надо новое платье: гости ж все одни и те же. Со стороны невесты!

Суфия достала швейный метр и сняла мерки.

— Только мне... — зашептала Венера, — нужно особенное платье, на этот раз она богатого нашла, и гости у него, стало быть, тоже не бедные! Я все магазины в городе обегала — ничего подходящего нет. И про вас вспомнила.

— Лишь бы не сорвалось только.

Венера нахмурилась и вопросительно посмотрела на Суфию.

— Жених богатый — выходит, не дурак. А Айгулька наша не слишком умная, — пояснила швея.

— Дурак-дурак! Раз женится на ней! — засмеялась Венера. — А Айгуль — да. Я уж сама молюсь — только б не отчебучила чего до свадьбы, у меня столько планов на нее! Свадьба пройдет — так пожалуйста! Пусть хоть на следующий день разводятся. Ну! — выдохнула она. — Побегу я. Вы не спешите особо — свадьба зимой только. Это я так — сани летом готовлю! Забыла сказать, — закричала она уже с веранды. — Айгуль велела и вас с Шамиль-абы позвать — она, Алла бирса, весь наш поселок собрать хочет, чтоб с ее стороны тоже толпа пришла. А Резеде я сама скажу. Как раз завтра к ним поеду!

В доме вновь стихло. Шамиль с утра еще ушел бродить. Совсем недавно Суфия изводилась ожиданием, боялась, что он что-то с собой сделает. Но теперь клиентки и шитье отвлекали ее от мрачных мыслей.

— Суфия! — послышался истошный вопль, и в окне появилась голова хромой соседки бабы Вали. — Там Шамиль... на путях... недалеко от станции.

Шамиль лежал на шпалах, положив голову на рельсу. Иногда он открывал глаза, чтоб удержать слезу, и будто из-под воды глядел в голубое летнее небо. Старик не смог ни утопиться, ни повеситься. Никто не знал, а ведь он пробовал. Даже уже отыскал прочную балку в сарае. Но каждый раз ему не хватало смелости, и он пуще прежнего презирал себя. После очередной попытки уйти из жизни Шамиль коротко рыдал, широко вытирался рукавом и долго сидел потом, размышляя над тем, как же первой его жене удалось так легко умереть?

Давным-давно Шамиль жил в городе. У них была огромная комната с высокими потолками в большом трехэтажном доме, который раньше принадлежал какому-то купцу. Через дорогу — дом другого купца — хлебного магната. Когда Шамиль распахивал окно, всем сердцем чувствовал, как по улице плывет хлебный запах. Наверное, купцы, которые жили в этих особняках до революции, дружили семьями. Пекарня по-прежнему выпекала хлеб, а особняк превратили в художественное училище, куда и поступил рыжий парень Шамиль после школы.

Он влюбился в свою первую жену, когда она пришла позировать. На нее набросили легкие струящиеся ткани, усадили на краешек стула, и она четыре часа глядела в окно. Студенты подробно прорисовывали складки материала, а Шамилю хотелось написать ее лицо. Потом натурщица и художник отправились гулять.

Их любимым местом стал речной порт. Когда с Волги поднимался ветер, Шамиль отдавал девушке свой плащ

и понимал, что хочет согреть ее всю жизнь. Беречь от всего. И писать ее.

Она была тихая и необыкновенно красивая. Еще и невероятно скромная, всегда всем довольная девушка. Четыре класса образования. Многодетная семья, она то ли седьмая, то ли девятая — самая младшая. Шла в этот мир из матери вперед ногами. Мать умерла, она выжила. Старшие сестры презирали ее за это. Братья и отец постоянно на нее натывались, как на старье, которое вечно мешается под ногами.

Ее часто посылали в город на рынок. Помимо прочего, она должна была привезти в деревню керосин для ламп. Дрожащими руками обвязывала она бутылку керосина тряпками: не дай бог в поезде учуют запах — ссадят сразу же. Много раз ей удавалось перевезти керосин. Но однажды он все же разлился, и девушку вышвырнули из поезда контролеры.

Она вернулась в город. Бродила там. Набрела на запах еды. Ее взяли на кухню помощницей. Дали койко-место в общежитии. И как-то раз один из студентов позвал ее позировать.

...Теперь Шамиль не помнил ее лица, которое так и не состарилось. Шамиль ни разу не написал портрет своей жены. Он до дрожи влюблен был, кисть держать не мог. Всякий раз волновался — придет ли девушка к нему на свидание? И однажды она не пришла. Шамиль просидел у памятника Ленину всю ночь. Написал письмо, в котором наконец признался в любви, и, смущаясь, передал его через вахтершу в общежитие. Через три дня возлюбленная явилась к Шамилю в белом платье. И они поженились. После ЗАГСа поехали в речной порт, сели на ракету и поплыли. Ветер сносил их с палубы, они смеялись, а длинная фата невесты развевалась

над Волгой, пока не взмыла в небо, будто огромная белая птица счастья.

Вскоре коммуналку расселили. Семье Шамиля досталась квартира на девятом этаже панельной новостройки. Там же у них родился сын Марат. Как-то раз Шамиль и его первая жена решили пойти купить коляску. Отец взял на руки своего грудного сына. Жена сказала ему: «Вы пока выходите, а я сейчас...»

С сыном на руках стоял Шамиль возле подъезда. К ним подошла юная девушка:

— Это дом двадцать четыре? — спросила она.

Шамиль кивнул. И вдруг будто какой-то огромный людоед срыгнул остатки своего обеда. Шамиль обернулся и увидел свою жену. Она приземлилась на спину, изо рта вытекала кровь. Жена моргнула пару раз и застыла. А ребенок заплакал, и Шамиль его чуть не выронил. Девушка, что случайно оказалась рядом, скорее взяла мальчика на руки.

Так она и осталась с ними. Сначала жили на девятом этаже. Потом мать семейства увезла их к себе в поселок. Родителям, конечно, правду сказала. А вот соседи и прочие думали, что поехала девочка учиться на швею, а вместо диплома привезла дитя.

Суфия бежала по овражистому поселку к станции, встревоженно глядя перед собой. Баба Валя, что видела старика на путях, опираясь на свою палку, ковьяляла следом. Когда хаотично разбросанные дома остались позади, Суфия остановилась возле старого колодца. Схватила одной рукой за ведро, другой за сердце. Тяжело задышала вверх, к солнцу: «Господи-боже! Спаси старика! Не знает он... что творит! Дай мне... успеть! Я его... вытащу, заставлю жить! Не допусти, чтобы поезд по нему

проехал!» — и она побежала под гору, уже быстрее и легче. Вниз, на станцию, где пахло мазутом, где трескучий голос объявлял редкие электрички в сторону города и где скапливались и бродили от цеха к цеху пузатые товарняки жиркомбината.

— Там он, у склада! — выхрипнула баба Валя, глядя вслед бегущей Суфии.

«Господи, дай успеть, спаси старика!» — просила швея и, увидев мужа, крикнула:

— А ну вставай, живо! Ты чего выдумал-то, а?! — Суфия подбежала и бросилась Шамилю на шею: — Я прошу тебя, вернемся домой. Сейчас товарняк пустят! Хороший мой! Прощу тебя, уйдем!

Суфии удалось приподнять Шамиля.

— Вот так, вот так...

— Я... Не хочу жить.

— Как же я без тебя останусь? Как же наша Резеда? А внуки наши?

Суфия повела мужа домой. Дорогой они молчали, Суфия чуть всхлипывала. Она представила, что могла не успеть, и случилась бы трагедия: по путям, где только что лежал Шамиль, тяжело брел товарный состав.

— И не стыдно тебе! — брякнула за их спинами баба Валя. — И так помрешь, чай, недолго осталось!

Суфия обернулась и шикнула на нее.

— А чего молчать?! Слабаки, а не мужики! Ведь не вчера это случилось. Ты на жену свою глянь, на жену! Уж и она живет — ничего не поделаешь. И тебе пора бы. Эй, а куда это вы? — Баба Валя остановилась, глядя в спины старикам. Не пошла за ними, потому что Суфия повела Шамиля длинной дорогой.

Дома жена уложила мужа на диван. Задернула штору, чтобы солнце не слепило ему глаза. Взяла за руку.

— Тебе хорошо... — сказал он. — Твоя-то дочь жива!

Суфии показалось, что в самое сердце воткнули огромную иглу. Женщина уронила лицо в ладони, сжалась вся и заплакала. Шамиль сел и впервые за долгое время взял жену за плечи.

— Прости меня, — тихо сказал он. — Я видел его мать во сне. Перед тем, как Марат наш... Столько лет не снилась! Столько лет! Забрала, стало быть. Лучше бы уж меня... ты вырастила нашего сына, меня спасла. А ведь просто мимо проходила тогда! — Шамиль прижал к груди голову жены. — Как же ты выдержала со мной?! Откуда у тебя силы?!

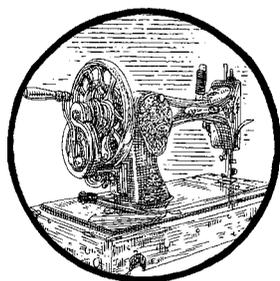
А ей вспомнилась далекая молодость, когда она, учащаяся профтехучилища, шла домой к своей первой клиентке, чтобы шить ей свадебное платье. Суфия несла в сумке двадцать метров широкого белого банта, думая, что, если пришить их друг к дружке, получится нарядная верхняя юбка. А еще из банта можно смастерить цветы и украсить платье. Но Суфия так и не дошла до невесты, потому что по пути к ней неожиданно стала матерью и женой. Родители Суфии надолго уехали к родственникам, оставив дочь наедине с ее странным выбором. Шамиль и теперь не понимал, почему его первая жена покончила с собой. Всю жизнь мучился, пытаюсь найти ответ...

— Ведь ты совсем не любил меня, — сказала вдруг Суфия, и Шамиль ничуть не шелохнулся. — Когда Марату год исполнился, мне так захотелось, чтобы вас не было! Я думала: Боже, за что же мне это?! Ведь я все делаю, а ты и не глядишь на меня. Ладно на меня — на сына не глядишь! И куда, думаю, они денутся? Я ж их на улицу не выгоню. И решила сама уйти. Из своего же дома. Сбежать от вас. И даже вещи не собирать. Но вдруг! Рука твоя на плечо! Откуда ты взялся? Тебя ж дома не было, ты будто

почувствовал, что я уйти хочу. И появился. Обнял меня крепко-крепко! Вот как теперь. И как начал целовать! Целуешь всю и плачешь. И мы любили друг друга! Вот здесь, на этом диване. Целуешь меня, а сам рассказываешь, как жена твоя умерла и как ты ее любишь. Слезы твои мне на лицо капают. Любим друг друга и плачем. И слезы наши, и горе наше — все перемешалось. Души наши перемешались. Мы оба... переплелись тогда!..

Суфия и Шамиль сблизились. Зажили, как два престарелых голубя, целые дни проводили вместе, наворковаться не могли. Обиды, которые годами копились в сердце Суфии, исчезли, и было легко, будто она простила все человечество. Но старушка испытывала чувство вины перед мужем за то, что смогла оправиться от смерти сына. Хоть и всей душой прочувствовала боль осиротевшей матери.

Шамиль спустил с чердака старый мольберт и пытался писать картины. Суфия шила. Кровати сдвинули и спали теперь вместе. Шамиль засыпал первым. Храп мужа Суфию баюкал. Лежа у него на груди, она благодарила Бога за этот внезапный внутренний покой, который наконец настал в их доме.

— Мама! Ты гляди! Я на семь килограммов похудела! За две недели! — радостно сообщила Резеда. — Или у вас весы неправильные? Я уж и не надеялась после второго ребенка в себя прийти!

Ее муж Ирек взял треугольник, который испекла теща, отломил уголки и с удовольствием откусил:

— Ты мне пухленькая больше нравилась, — сказал он. — Садись и ешь!

— Что ты! Я в джинсы свои, которые еще до беременности носила, влезаю! Вот уж не думала, что снова буду стройной! Не собираюсь заедать свою фигуру! — Резеда подскочила к мужу, обняла его со спины, звонко поцеловала в самое ухо, отчего Ирек подскочил и шлепнул свою жену как разбаловавшегося ребенка.

— Обожаю тебя злить! — засмеялась Резеда и съела уголки, которые оставил Ирек.

В раннем детстве у Ирека вскочил на глазу ячмень. Бабушка велела внуку в чем-нибудь поклясться: «Никогда не буду есть чернослив» или «Никогда не буду есть облепиху». Маленький Ирек долго выбирал то, что он точно никогда ни за что не попробует. И вроде уже готов был поклясться, но в последний момент задумался: «А вдруг мне сильно-сильно захочется?»

А ячмень не проходил. Тогда бабушка вытащила из духовки сковородку с треугольниками и предложила:

«Давай, скажи, что никогда не будешь есть уголки от очпочмаков». Мальчик обрадовался, поклялся. И бабушка дала ему горячий треугольник с картошкой и гусиным мясом. Ирек впервые отломил уголки. Они остались лежать на тарелке, как сошедший с глаза ячмень, который, кстати, и правда сошел вскоре после клятвы.

С тех пор Ирек не ел уголки очпочмаков. И ему понравилось изобретать свои собственные заповеди и соблюдать их. Он не брился по средам и четвергам, считая эти дни наиболее тяжелыми, и к пятнице делался колючим. Он всегда доедал яблоко подчистую, ни огрызка, ни зернышка не оставляя, потому что яблоко должно полностью исчезнуть в человеке. Никогда не изменял жене. Даже не помышлял об этом. Верность была у него в крови. Резеда это чувствовала и радовалась, что именно ее Ирек выбрал для жизни. Пуще прежнего восхищалась Сухарем, который привел свою хозяйку к счастью.

— Мама! Давай сошьем мне какое-нибудь красивое платье, чтоб на свадьбу к Айгуль пойти!

— Ты же говорила, что в магазинах можно все купить? — поддела ее Суфия.

— Мамочка, у меня терпения не хватит. Я бы и сама сшила, но, честно говоря, зрение портится, слабость... Простуда, должно быть...

— Запасные колготки в пакете. Трусики с майкой там же. И велели сдать шестьдесят рублей на порошки, — говорила Амина, надевая брату перчатки. — Пап, ты слышишь?

Ирек съежился от осеннего ветра так, что исчезла шея. Он присел на корточки рядом с детьми и попытался заглянуть дочери в глаза.

— Ты тетрадь по математике не забыла?

— Мунир, если опять нажалуются на тебя, что ты не ешь, я тебе задам. Мульттики смотреть запрещаю, — сказала Амина, поправляя отцу шарф.

— А мне папа разрешит!

— Ты сможешь забрать его? У меня сегодня семь уроков. И надо к контрольной готовиться. Поэтому — будь добр.

И Амина быстрым шагом направилась в школу. Ирек рассеянно посмотрел ей вслед.

Каждое утро Суфия стерилизовала литровую банку, наливала в нее легкий бульон, закрывала капроновой крышкой и кутала в теплые тряпки. Но в дороге бульон все равно остывал, и приходилось подогревать в больнице кипятильником, хоть это и запрещено. Как и включать фен. Единственное, что можно, — заряжать телефон. Но женщины только и жили тем, что нельзя. Мыли и сушили последние свои волосы, смотрелись в карманные зеркала, мазались кремами и щебетали о пустяках: Резеда и еще три женщины в двадцатиметровой палате доживали свою женскую жизнь, мучаясь страшными болями, но изо всех сил стараясь быть красивыми. У женщин были дети и мужья. Была и беременная. Врачи долго не могли решить, что делать: оставить ребенка без матери или мать без ребенка? Решили мать без ребенка оставить — зачем он ей, ведь она все равно скоро умрет. И сунули на подпись какую-то бумажку. А беременная не решалась подписать. Так и лежала бумажка в тумбочке. Врачи ругались и торопили женщину. Говорили, что, если подпишет, еще года три проживет.

Ирек целыми днями развозил фрукты по торговым точкам. Вечером что есть сил мчался в свой поселок и выпивал с кем-нибудь. Домой приходил под утро. Старался не

шуметь, но всегда натыкался на что-то, и Амина просыпалась. Разогревала еду, ставила перед отцом тарелку. Ирек съедал и засыпал за столом...

Снилась ему беременная Резеда, которая плакала на кухне над подгоревшей гречкой: «Родится шалопаи. Где он будет бегать? А другие наши дети? Дочь и сын — это только начало! В шестнадцать лет мне нагадали близнецов!» Ирек любовался своей женой и соображал, где достать не очень дорогой сруб, чтобы создать не просто детскую, а иной мир. Настоящий деревенский дом с печкой и длинной, от потолка до пола, колыбелью. С деревянным конем-качалкой, с разноцветными дорожками-половиками и вышитой, нанизанной на веревку занавеской. Жена говорила мужу, чтобы управился он со стройкой до рождения первенца, но, не дождавшись даже фундамента, наняла рабочих, которых Ирек разогнал. Тогда Резеда впервые ушла от мужа. А он на завтра привел жену обратно, усадил на диван и сказал: «Я привык все делать сам. У нас будет просторный дом для наших детей. Шей для них пеленки, целуйся со своим конем. А стройкой буду заниматься я. Ты все поняла?»

...Громко заржал в деннике конь. Ирек мгновенно проснулся, вывел Сухаря в поле, привязал там, а сам поехал в больницу к своей жене.

— В шестнадцать лет мне нагадали близнецов... Если бы они у нас родились, я бы назвала их как нас с тобой.

— У нас все впереди. — Ирек пытался согреть холодные ступни жены в своих руках, а Резеда лежала, глядя в жужжащую лампу.

Неожиданно женщина села и закачалась на пружинах кровати. Ладонями укрыла щеки мужа:

— Ты небритый. Сегодня четверг? Или уже пятница?

Ирек поцеловал середину ладонки и прикрыл глаза в знак согласия.

— Я подержусь за тебя. А когда ты уйдешь, мои руки будут пахнуть твоими щеками. — Резеда приложила руки к носу: — Иди домой. Тебе не место в больнице.

— И тебе не место. Скоро я заберу тебя. — Ирек трезвел и верил, что это просто простуда какая-то, от которой выпадают волосы и худеет человек.

— Да все будет хорошо! После химии я выпишусь. И волосы отрастут. Ты же знаешь — не мое это... валяться.

— А у нас тут у всех — затянувшиеся критические дни! — донеслось с самой дальней койки. Эта женщина уже не вставала, но ежедневно делала макияж. Даже есть не могла, а разговаривала больше всех. — Вы уж простите, что я вмешиваюсь. Пока я говорю, я чувствую, что живу. А замолчу — сразу — вжик! И уже там.

Она вытянула костлявый указательный палец вверх:

— Лежим, целыми днями в потолок плюем! Санаторий!

Когда Ирек пришел в следующий раз, ее уже не было. И ему стало по-настоящему страшно. Суфия перестилала дочери белье. А Шамиль упрашивал врача дать им машину «скорой помощи», чтобы перевезти Резеду домой. Отец верил, что дома его девочке станет лучше. Ведь она родилась и выросла там. Оттуда и замуж вышла. Дома все обжито и обшито ее матерью: скатерти, занавески, одежда, постель. Постукивает машинка, тихо работает телевизор. В духовке что-то печется. Сам Шамиль дважды вернулся к жизни и к живописи в их доме. И Резеда вернется к жизни непременно!

Врач вздохнул и сказал, что даст машину в виде исключения. Шамиль остановился у дверей палаты: дети сидели в уголке, Мунир жался к сестре и во все глаза смотрел на мать, а Резеда не смогла уже улыбнуться ему и не надела

парик. Мальчик окончательно поверил, что это злая баба-яга, которая притворяется его матерью, а его настоящая теплая мама где-то в темнице, в пещере, подвале! Ее надо найти, спасти, но все почему-то здесь.

— Мама, не обижайся, но Мунира мы больше к тебе не привезем, — сказала Амина.

Резеду хоронили поздней осенью во время дождя. Долго пережидали, но он так и не кончился. Природа плакала вместе с Суфией и Шамилем. Дождь приколачивал опавшие листья к земле. Огромное кладбище в одном-единственном месте пестрело разноцветными зонтами, один из которых был ближе к земле, и две пары детских ног в резиновых сапогах виднелись из-под него. Местный мулла Мидхат читал молитву, держа руки перед собой, а Шамиль держал над муллой зонт.

Засунув руки в карман плаща, у края могилы стоял Ирек. Люди то и дело пытались затащить его под зонт, и вдовец отошел от толпы. Едва осознавая горе, он брел по кладбищу. Надгробные камни потемнели от воды, а пригорки поплыли. Вдруг Ирека толкнуло в спину что-то мягкое. Мужчина не испугался, он лишь удивился, что конь смог отвязаться... а может, это Ирек забыл его привязать... И повел Сухаря вглубь кладбища, туда, где оно превращалось в поле. «Как много здесь места», — подумал Ирек и вдруг заметил, что из огромных глаз Сухаря текут слезы. Ирек замер перед конем своей жены. Крупные конские слезы, в которых больше смысла, больше горя... И коню, верно, больнее, чем человеку. Ирек понял, почему Резеда была так привязана к Сухарю. Любила и каждую минуту стремилась быть

с ним. Не понимала, почему для других ее конь — всего лишь животное.

Быть может, и слез не было, а просто капли дождя катились по конской морде. Но ведь конь прибрел проститься с близким человеком! Ирек обнял Сухаря за шею и осознал, насколько одинок теперь. Ему сразу стало холодно от мокрой одежды и пустого желудка. Ирек целовал жесткую конскую гриву: она была совсем такая, как волосы Резеды. Он обожал ее волосы. Особенно когда с них стекала вода. И баня была излюбленным местом супругов. Они подолгу мылись там. Выходили чистые и счастливые, будто не в браке жили, а только что влюбились друг в друга. А на следующий день ругались из-за пустяка, Резеда вспыхивала, хватала детей и уходила от мужа «навсегда». В соседний дом или к родителям. Через пару дней Ирек забирал назад свое семейство. И снова топили баню...

Ирек пытался понять, почему все вдруг кончилось? Что же плохого он сделал? Чем заслужил? Теперь он будет отбывать свой срок на земле, пока не состарится его тело. Дети не радовали. Ирек почти не замечал их. Он тонул в своем горе, а Амина старалась сохранить остаток их семьи: стирала, готовила, убирала, уроки учила редко. Учителя девочку жалели и первое время вовсе не трогали. Но вскоре начали потихоньку вызывать к доске.

— Зато дома все сытые, — говорила Амина отцу, который вяло поругивал ее за двойку. — Ты давай Мунира искупай, прокрути мясо, достирай белье, которое я вчера еще замочила. А я уроки буду учить!

Вчерашнее похмелье еще не отпустило голову, и Ирек только и смог пробубнить седьмой параграф из учебника истории средних веков, пока Амина крутила мясорубку

и лепила котлеты. Она пожарила четыре штуки, остальные положила в морозильник.

— Все. Историю выучили. Теперь я буду белье гладить, а ты мне много раз стихотворение читай.

Ирек уснул с учебником литературы, Амина укрыла отца пледом, под голову подложила колючего медведя без глаза. У медведя впадина была на брюхе: Ирек любил лежать на игрушке, когда смотрел телевизор.

Амина уложила Мунира, погладила школьную форму, отцовские футболки, завела будильник и легла в свою постель. Засыпала девочка мгновенно. И мама не снилась ей.

Под Новый год в школе устроили бал — вечером собрали все классы в актовом зале. Сначала водили хороводы вместе со Снегурочкой, потом три раза громко и дружно позвали Деда Мороза. И когда он торжественно прошел по залу, когда начал играть в «заморожу», Амина наконец почувствовала себя девочкой без мамы; она едва ли помнила, что есть у нее братишка и отец, которые только ростом друг от друга и отличаются. Девочка вытягивала руки вперед и, когда Дед Мороз приближался, прятала их за спину. Потом ее взяли за руки и повели против часовой стрелки по кругу.

*Зимой и летом стройная,
Зеленая была...*

Дед Мороз и Снегурочка прохаживались возле елочки и тоже пели:

*Теперь она нарядная
На праздник к нам пришла*

*И много-много радостей
Детишкам принесла.*

Хоровод учеников остановился. Дети допевали последний куплет и хлопали в ладоши. А Амина вдруг расплакалась. Как взрослая. Слезы выкатывались из распахнутых глаз. Это заметил Дед Мороз.

— А почему девочка у нас плачет? Кто тебя обидел? — Он вывел ее к елочке, усадил к себе на колени. — Ты приготовила для меня стихотворение?

И Амина, запинаясь и перебарывая все больше подступающие к горлу рыдания, стала рассказывать:

*Мама спит, она устала,
Ну и я играть не стала.
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу...
Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой...
А по маминой подушке
Луч крадется золотой...*

Дед Мороз вручил ей красочную картонную коробку в форме домика. Амина схватила ее и выбежала вон.

Девочка бежала, прижимая к себе подарок. Рюкзак прыгал на спине, из-под шапки выбились волосы, ветер задувал в шею колючий снег. Руки окоченели. Амина рухнула в сугроб и громко расплакалась. Она ведь о маме еще не плакала ни разу: не нашла минутку, чтобы хоть проследить. И девочке показалось даже, что мама на нее обижается. Вскоре девочка успокоилась и решила, что останется здесь — пусть папа ищет ее. «Сильно замерзну, но домой не пойду», — решила она...

С заледенелым от слез лицом Амина брела по поселку, а когда свернула на свою улицу, увидела дом, который чернел тремя оконными квадратами. Девочка вбежала на кухню, включила свет, заглянула в комнату — никого. Сбросила ранец и помчалась в детский сад.

Воспитательница довела их с Муниром до дома.

— Спасибо, что проводили, — сказала Амина.

— А твой папа дома?

— Еще нет.

— А где же он?

Амина хотела закрыть ворота, но воспитательница вошла во двор. Девочка немного растерялась:

— Наверное, Новый год на работе отмечает. Спасибо, что проводили...

Но воспитательница раскрыла дверь и сильно топала на крыльце, чтобы согнать с ног снег.

— У нас не прибрано, — сделала последнюю попытку Амина, но женщина уже вошла и стянула сапоги. Сунула ноги в тапки и по-хозяйски прошла в студеной сруб. Черным квадратом зияло окно. Под ногами подрагивали неровные доски. Гостья погладила округлые бревна стен.

— Всю жизнь мечтала жить в деревянном доме! — сказала воспитательница.

— Пока папа достроит, мы с Муниром вырастем.

— Ну! А может, братья-сестры у вас появятся? Кто знает, как жизнь повернется! — воспиталка сладко причмокнула и вошла в теплую кухню.

Мунир нехотя ковырял остывшие макаронны, поглядывая на подарок Деда Мороза. Воспитательница пила чай, Амина чистила плитку.

— Я смотрю, ты хозяйюшка, — похвалила ее женщина. — А когда к нам в садик ходила, помнишь, даже посуду за собой не убирала!

— Апаем, я больше не хочу. Можно мне подарок взять? — спросил мальчик.

— Вообще-то мы часто с Муниром одни остаемся. И чтобы вас не задерживать...

— Я дождусь твоего отца, — отрезала гостя.

Амина хотела сказать: «Наверное, за вас волнуются», но вспомнила, что воспиталка живет одна. Девочка давно недолюбливала ее. Она общалась только со спокойными детьми. И даже если ребенок устраивал истерику, валялся на полу, стуча ногами, она не подходила к нему. Амине всегда казалось, что тетенька эта не любит детей.

— Что ж отца-то твоего нет? Может, он в гости к кому-то зашел? Ходит он к кому-нибудь в гости? Не знаешь?

На мгновение Амина застыла и медленно вышла из кухни. Забежала в детскую, захлопнула дверь и принялась ходить туда-сюда. Амина наконец поняла, что этой тете надо! На что она надеется! От гнева у девочки сузились зрачки. Она открыла дверь и крикнула:

— Мунир! Иди сюда! Быстро!

Мальчик запихнул конфетку в рот и выскочил из-за стола. Амина затащила брата в комнату и закрыла дверь.

— Так! — сказала она скорым шепотом. — Сейчас ты пойдешь обратно, сядешь опять за стол, а я буду мыть посуду. Ты спросишь: «А где киндер сюрприз?» — я скажу: «Я его сама съела», и ты устроишь истерику. Заплачешь — понял?! Будешь орать. И я буду на тебя кричать, чтоб ты успокоился, но ты ори еще громче!

Амина стянула с него жилетку, сняла рубашку и передела брата в домашнюю одежду.

Через несколько минут они устроили спектакль. И без того уставшая от детей тетушка решила-таки пойти домой. Пока обувалась, вернулся Ирек. Не замечая гостью, он принялся оправдываться перед дочерью:

— *Кызым...* в садике замок висит... мы Новый год отмечали. Ой, здрастье! Кызым, поставь чай...

Но, к радости Амины, воспитательница поспешила уйти.

— Может, ты к ним переедешь? — Шамиль сидел за столом и давил клюкву в стакане.

Суфия лежала на высоких подушках.

— Тридцать восемь и четыре, — сказала она, покручивая градусник. — И что я, старуха, смогу им дать? А ты здесь один останешься?

Шамиль положил мед, размешал красно-коричневый кипяток и подал стакан жене.

— Давай тогда внуков к нам перевезем?

— А садик? Школа? Ведь далеко, кто их возить будет?

— Амину в здешнюю школу переведем. А Мунир... дома посидит, с нами. А там... может, и у нас садик откроют.

Суфия отхлебнула клюквенный чай и поморщилась:

— Не откроют. Для кого? Одни старики доживают.

— Надо забрать детей. Хотя бы на время. Пусть Ирек поймет, как ему плохо без них, — предложил Шамиль.

— Ничего он не поймет... Оставим Ирека одного — он совсем пропадет. — Суфия поставила стакан на стол. — Не могу эту кислятину пить, неси парацетамол.

Но Шамиль заставил жену допить, укутал одеялом, сверху накрыл шалью.

— Надо пропотеть, и температура спадет. Меня мать так лечила.

— И меня. — Суфия благодарными глазами смотрела на мужа. Его прохладные руки быстро потеплели от ее лба.

Это были редкие тихие минуты. Обычно в доме всегда находились люди, и казалось, будто он полон жизнью. Приходили не только женщины, желающие сшить платье или блузку. Приезжали руководители музыкальных коллективов со своими танцорами — заказывали сложные костюмы, и Суфия все успевала. В доме почти не осталось пустых стен — везде висели картины, которые написал Шамиль.

После смерти Резеды Суфия ни дня не была убитой горем матерью и не забросила свое шитье. Не понимала, почему у нее не опустились руки? И временами мучилась от этого, думая, что правильнее, естественнее было бы слечь и света белого не видеть. А старушка, напротив, вставала рано, набрасывала старенькое пальто и выходила во двор вдохнуть зимнего утра. Любое дуновение ветра мать принимала за дух своей дочери. И каждая птица, присевшая на ворота, или кошка, забредшая во двор, казались ей душой Резеды. Суфия непременно заговаривала с кошкой, подзывала к себе, брала на руки и рассказывала про Амину с Муниром.

— Ну ты и сама всех нас видишь, доченька, не так ли? — Женщина сыпала на крыльцо пшено. Тут же слетались голуби, воробьи и, наступая друг другу на голову, клевали желтые бусинки до последнего зернышка. Суфия думала, чем больше добрых дел она сделает на земле, тем лучше будет ее детям в небесном мире.

— Летите высоко, мои птички, передайте моей девочке, что все мы здоровы. И сыночку моему, и матери его...

Суфия почувствовала, как жар покидает ее, и телу становится неприятно от влажной, впитавшей пот одежды.

— Шамиль... Я вот лежу и думаю... что же мы с тобой такого сделали? За что нас так? Почти три месяца наша Резеда не дышит.

Ее муж выглянул из-за мольберта:

— Мы у нее так ни разу и не были.

— Там, наверное, не пройти.

Шамиль вновь скрылся за мольбертом:

— Весной ходим. Когда снег сойдет.

Голос Шамяля был одновременно и скрипучим, и каким-то поющим, ласкающим, и потерянным, и полным надежды. Суфия глядела на деревянный, испачканный краской мольберт, и ей казалось, что это он с ней говорит.

— А что ты рисуешь? — спросила Суфия.

— Я пытаюсь вспомнить ее лицо. Я так и не написал ее портрета.

Суфия поняла, о ком он.

— И как? Вспоминается? — Голос Суфии резко состарился.

— С трудом, — ответил деревянный мольберт. — Не спрашивай, зачем мне это надо... Я знаю, мне легче станет, если я хоть примерно вспомню. Это она спасала меня, когда я не решался в последнюю минуту. И тогда, на рельсах, она снова спасла меня, я будто бы в небе ее лицо увидел...

— А мне казалось, это я за тобой прибежала.

Шамиль выглянул из-за мольберта:

— Не сердись. Я всю жизнь на тракторе провел и не писал картин.

— Тебе никто не запрещал, — глухо сказала Суфия.

С ней снова медленно заговорил мольберт:

— Я сам себе запрещал. Потому что живопись связана с ней. Я приучал себя к тебе и не хотел это спугнуть.

Суфия отвернулась к стене и лежала неподвижно.

— Ты питаешься моими слезами. Тебе хорошо, когда мне плохо.

Она медленно развернулась к мужу:

— Знаешь что? У нас потому и не жили дети! Потому что ты ни минуты не любил их мать!

Шамиль вскочил, задел мольберт, и тот грохнулся. Суфия вжалась в подушку и подтянула к носу одеяло. Но старик направился не к ней, а к швейной машинке. Схватил ее одной рукой и вдарил по маленькому деревянному столику. Столик ойкнул, Шамиль вдарил еще раз, столешница громко хрустнула. Затем машинка отлетела в угол.

— А я смотрю, ты ожил! — горьким голосом произнесла Суфия. — Как в старые добрые времена!

Шамиль посмотрел на жену волчьими глазами. Суфия уже приготовилась к пощечине, но старик взял со стула голубую, расшитую пайетками ткань и с треском разорвал на две половины. Суфия схватилась за обе щеки и завывала, как от удара. Шамиль выскочил из дома вон.

Женщина отвернулась, тихонько заплакала и уснула...

Проснулась от монотонного стука — Шамиль мастерил ей новую столешницу.

— Сейчас Ирек детей привезет, — хмуро сообщил он.

Суфия поднялась с постели:

— Ты сказал им, что я больна?

— Амине надо пиджак школьный перешить.

— А со старым-то что?

— Мал, говорит.

Суфия взглянула на старую столешницу, которая лежала возле ног Шамиля. Из трещины опасно торчали острые щепки. Шамиль поставил машинку на стол:

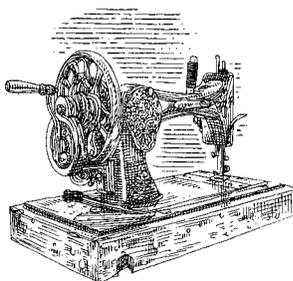
Содержание

КРОЙКА И ЖИТЬЁ.....	3
ДАМДЫХ.....	209
ПОВЕСТЬ О РОЗЕ.....	285
РАССКАЗЫ	355
<i>Танечка</i>	357
<i>Лидуша</i>	385

Литературно-художественное издание

Альбина Гумерова

ДАМДЫХ

Выпускающий редактор Е. Пучкова

Редактор Б. Геласимов

Корректоры О. Наренкова, О. Шепитько

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Художник К. Прокофьев

Подписано в печать 10.07.2019. Формат 60×90/16

Печ. л. 24,5. Гарнитура «Journal».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru

тел. +7 (499) 270 7359

«Женщина чувствует, мужчина думает. Шея управляет головой. У женщины прекрасное, но не ведущее место в мире, потому что мир мужской. Так было, есть и, надеюсь, будет. В мире, где правят женщины, я жить не хотела бы», – говорит Альбина Гумерова. «Ламдык» – книга о женщинах, о том, как они любят, ненавидят, радуются, страдают, ошибаются, не знают, что делать дальше. Кто является лирической героиней Альбины Гумеровой? Скромная, нежная, покорная, сильная духом, такая, до которой нам далеко. Героини ее рассказов и повестей не идеальные, но в них есть какая-то чистота и искренность. У них можно многому научиться. Возможно, и вы захотите, чтобы рядом с вами была такая подруга или сестра.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦЫ

ISBN: 978-5-907085-26-8

9 785907 085268

www.gorodets.ru